1983, 10 Октября

СТАРЫЕ И МОЛОДЫЕ

Удачный литературный прием нашел томский писатель Василий Афонин, начиная новую свою повесть «Жили-были старик со старухой». Горожанин-повествователь в сибирском селе встречает незнакомую супружескую пару — старика и старуху. И знакомится он с ними в тот момент, когда они заготавливают дрова на зиму. Эпизод дает ключ ко всей повести. Мерой нравственной ценности поступков людей, изображенных в ней, является прежде всего труд. Она построена как монолог старухи, рассказывающей повествователю о своей жизни. И вся жизнь эта — непрерывная работа.

Неудачники, люди неприспособленные, терпящие одно поражение за другим, вызывают у стариков не жалость, как можно было ожидать, а презрение, так как, по их мнению, неудачи эти происходят от неумения работать, и этого не могут им простить старик и старуха, а вместе с ними и писатель. Именно так трактуется, как примеру, образ снохи, которая не может удержаться ни на одном месте работы. Зато откровенным авторским сочувствием согреты образы тружеников. С дотошным знанием дела даны сцены труда. Вот старуха рассказывает о сыне:

«Грести-копнить с дедом постоянно ездили. Дед на граблях конных сгребает, а он с лядом копнит. По шестьдесят копен ставили. А копы кание! Уж на что кума Димитришиха мастерица копнить, а та подходила, любовалась. Я, говорит, против вашего Вальки не смогу. Копны большие, по центру почтай нажда, а сложены... Очешет, подобьет по низу — кан игрушка».

Такое достоверное знание сельского труда не случайно. Василий Афонин родился и провел детство в сибирской деревне. Потом работал литературным сотрудником в сибирской районной газете. Жизненный опыт позволяет ему ставить в своем произведении проблему взаимоотношений города и деревни, которая берется в первую очередь в аспекте отношений между старшим и молодым поколениями. Непросты эти отношения. На первый взгляд, пожилые сельчане и их дети противопоставляются в повести. Один из сыновей отказывается приютить у себя престарелых родителей, другой пьет. Но совершенно иной поворот художественной мысли обнаруживается в образе Валентина, одного из сыновей стариков. Образ этот очень важен для понимания идейного смысла повести.

Валентин, который немало выслушал упреков от отца за страсти к рисованию, уезжает в город и становится признанным художником. Однако и в деревне живописец свой человек: его любят сельчане, он заботится о родителях. Не противопоставление «отцов и детей», а нерасторжимая их связь — вот что утверждается в повести. Это проявляется и в том, что старики живут заботами, свойствен-

ными молодым. Старуха возмущается, что сын-шофер по личным делам гоняет государственную машину. Дед и его жена размышляют над тем, как укрепить у работающих сыновей дисциплину. И о том, как сделать, чтобы люди не уезжали из деревни, а, напротив, переселились в нее.

Повесть «Жили-были старик со старухой» свидетельствует о возросшем мастерстве писателя. Ранние афонинские вещи нередко страдали вялостью речевых характеристик, недостаточной индивидуализацией языка персонажей. В новой повести писатель как бы берет реванш за прошлые частичные неудачи. Произведение целиком состоит из прямой речи. Книжная, с длинной многоступенчатой фразой манера речи повествователя-горожанина контрастирует с бойкой, разговорно-живой речью старухи крестьянки. Это усиливает выразительность произведения. Труднее было добиться отличия языка старухи от языка старика. Оба пожилые люди, оба коренные сельчане. Но писатель в основном справился с этой задачей. Дед более строг, сдержан. Своё обычная речь старухи густо насыщена прибаутками, пословицами, что оправдывает фольклорный заголовок произведения.

«У хорошего хозяина и свинья барыня», — скажет бабка про зазнавшуюся сноху. «Под воз попадешь, Кузьму батеи назовешь», — скрасит она шуткой крутую минутой. Речь старухи поэтически пестра: местное словечко «шалавый» соседствует в ней с выражением, занесенным из города, — «индивидуальные коровы».

Однако нельзя не отметить, что в монологе той же старухи иногда рассказ о работе сводится к сухому перечню действий, лишённому какой-либо эмоциональной окраски. Не всегда можно согласиться и с позицией автора. С умилением, которое явно разделяет и писатель, вспоминает старуха про «сабантуй», изображенные с колоритными подробностями «Сабантуй» — это общая для всей деревни выпивка по праздникам. Сейчас «сабантуй» исчезли. Старуха говорит об этом с грустью. Эти минорные ноты противоречат существующим в том же произведении эпизодам, обличающим порок пьянства.

Драматизм повести усиливает сквозной ее мотив — воспоминания о войне. Старуха напоминает о трудовом подвиге наших женщин:

«Ох, работа! Откуда и силы только брались. Помню, сто-

брали нас несколько баб, что на вид покрепче, и в «Заготзерно». А там нули с пшеницей, по воледесять килограммов кандый. Не всякий мужик взбросит. А мы чередой друг за другом, друг за другом, с хрипом, салом, без останкови. Вот кан. Теперь уж и самой не верится, что так было...».

Автор убежден: плохой человек не сможет стать мастером в работе. Когда у жены Валентины, тоже художницы, начали проявляться высокомерие и зазнайство, старики вместе с Валентином предостерегают: все это может кончиться гибелью таланта. Конечно, дед и бабка не очень-то разбираются в тонкостях живописи. Но их духовное здоровье, чуткость к красоте и богатый опыт подсказывают правильный вывод.

Афонин славит силу родительской любви, более всего — любви материнской. Раскрывает благородство матери прежде всего в буднях быта. Сколько обид претерпела старуха от непутевых своих детей! Но, несмотря ни на что, постоянно болеет за каждого из них материнское сердце. И всегда готова она помочь им и от душевной щедрости мудрым советом, теплым словом поддержки, и от своей скромной пенсии. Убедительно показывает Афонин моральную красоту своих героев — старика и старухи.

Бережно относиться к людям старше поколения, по-хозяйски использовать их уникальный жизненный опыт — таков главный нравственный итог повести.

Геллий ПАВЛОВ